

ISSN 2542-2332

2019 №2 (19)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ

по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

ISSN 2542-2332

2019 №2 (19)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2019

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The journal was prepared with the support of the RPF project "Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX-XX centuries" (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байпаков К. М., Акылбек С. Ш., Терновая Г. А.</i> К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII–IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.)	9
<i>Пиков Г. Г.</i> Роль киданьской элиты в истории государства Си Ляо (Западное Ляо)	36
<i>Сериков Ю. Б.</i> К вопросу о проблемах датирования пещерной и наскальной живописи	46
<i>Смагулов Е. А.</i> О сакральном значении керамических атрибутов алтарей в жилищах Присырдарьи	61

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васечко В. Ю.</i> Этноконфессионализм иерократа и универсализм «ученого профана»: к характеристике эпистемологического дискурса в политарном обществе	75
<i>Ярков А. П.</i> «А куда их деть?»: о нравственно-правовых коллизиях в умме Сибири	90

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Беликов С. В., Дворянчикова Н. С., Шершинева Е. А.</i> Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о культурах в Западной Сибири во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.	100
<i>Кацаева М. В., Пирогова О. В.</i> Религиозные ориентации студенческой молодежи провинциального центра (на примере Барнаула): от теории к практике	112
<i>Худяков Ю. С.</i> Сведения о распространении мировых прозелитарных религий и традиционных верований и погребальных обрядов среди енисейских кыргызов и кыштымов в периоды раннего и развитого Средневековья	127

Раздел IV

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Дашковский П. К., Савельева Т. В.</i> Карл Молдахметович Байпаков — выдающийся ученый и организатор науки Казахстана	144
---	-----

Раздел V

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Сулейманов Р.Р. Рецензия на книгу В. Н. Рогатина «Гонения на православие на Украине в 2014–2016 гг.» 168

Раздел VI

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

Дашковский П. К. Итоги работы IV Конгресса российских исследователей религии173

ДЛЯ АВТОРОВ..... 181

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Baipakov K. M., Akylbek S. S., Ternovaya G. A.* To the question of religious life of Kulan medieval town in VIII–IX c. (based on materials of research of citadel in 2017)9
- Pikov G. G.* The role of the Chitan elite in the history of the state of the Hsi Liao (Western Liao)36
- Serikov Y. B.* For the question of dating cave and rock painting.....46
- Smagulov E. A.* Concerning the sacred meaning of ceramic artifacts from the clay altars in the dwellings of the land along the Syr-Darya river61

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Vasechko V. Y.* Hierocrat's ethnoconfessionalism and “academic profane's” universalism: characterization of epistemological discourse in politary society.....75
- Yarkov A. P.* “But where to put them?”: the moral and legal conflicts in the ummah of Siberia.....90

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Belikov S. V., Dvoryanchikova N. S., Shershneva E. A.* The activity of the commissions for control over execution of the legislation on cults in Western Siberia in the second half of the 1960s — early 1980s. 100
- Kashchayeva M. V., Pirogova O. V.* Religious orientations of student's youth of provincial capital (the city of Barnaul as an example): from theory to practice.....112
- Hudyakov Yu. S.* Data about dissemination of the world's proselytizing regions and traditional beliefs and funerary rites among the yenisei kyrgyz and kyshtym during periods of the early and high middle ages 127

Section IV

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

PERSONALITIES

- Dashkovskiy P. K., Saveljeva T. V.* Baipakov Karl Moldahmetovich — an outstanding scientist and organizer of science of Kazakhstan.....144

Section V

BOOK REVIEWS

- Suleymanov R. R.* Review of the book by V. N. Rogatin “Persecution of Orthodoxy in Ukraine in 2014–2016” 168

Section VI

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

Dashkovskiy P. K. The results of the work of the IV Congress of Russian Scholars
of Religion173

INFORMATION FOR THE AUTHORS 181

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94 (5): 261.8: 165.9

DOI: 10.14258/nneur(2019)2–05

В. Ю. Васечко

Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург (Россия)

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛИЗМ ИЕРОКРАТА И УНИВЕРСАЛИЗМ «УЧЕНОГО ПРОФАНА»: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПОЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ*

Целью статьи является анализ той социокультурной ситуации, которая выступает фоном для развертывания эпистемологического дискурса в политарном обществе (Древний Египет, Древние Индия и Китай, средневековый арабо-мусульманский мир и др.). В центре внимания — напряженные и достаточно конфликтные взаимоотношения между «учеными профанами», увлеченно и бескорыстно раскрывающими тайны универсума, и сановными иерократами, стремящимися к тотальному контролю за процессами и результатами когнитивных исследований всякого рода. В качестве первоисточников главным образом использованы тексты ученых-энциклопедистов, работавших в странах мусульманского Ближнего и Среднего Востока, и особенно Абу Рейхана аль-Бируни. Конфликт вышеуказанных когнитивных трендов рассматривается через призму концептуальной оппозиции «этноконфессиональное — универсальное». Этническая и конфессиональная ограниченность, которой отличается политаристская иерократия, делает последнюю невосприимчивой к серьезным эпистемологическим новациям и заставляет ее видеть опасность в любой попытке внести коррективы в господствующую религиозную картину мира. Напротив, единые предметы исследования (те или иные фрагменты Универсума), универсальные эмпирические и теоретические ме-

* Данная работа представляет собой развитие темы, которая представлена в ранее опубликованных статьях автора [Васечко, 2017; 2018].

тоды, используемые учеными разных стран, служат преодолению этнических и конфессиональных барьеров и формированию синхронических и диахронических содружеств интеллектуалов по образцу «Республики ученых» или «Невидимого колледжа».

Ключевые слова: политаризм, эпистемологический дискурс, профаническая реальность, универсум, иерократия, этноцентризм, конфессионализм, универсализм, Бируни.

V. Y. Vasechko

*Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg (Russia)*

HIEROCRAT'S ETHNOCONFESSIONALISM AND "ACADEMIC PROFANE'S" UNIVERSALISM: CHARACTERIZATION OF EPISTEMOLOGICAL DISCOURSE IN POLITARY SOCIETY

The aim of this paper is to analyze the socio-cultural situation, which was the background for the deployment of epistemological discourse in the polity society (ancient Egypt, ancient India and China, the medieval Arab-Muslim world, etc.). Strained and conflict relationship between "academic profanes", who enthusiastically and altruistically reveal the mysteries of the universe, and dignitary hierocrats, who yearn for total control over the processes and results cognitive studies of all kinds, is in the center of attention. As primary sources used, mainly texts of scientists-encyclopedists, worked in the Muslim countries of the Middle East, and especially Abu Rayhan Al-biruni" ones. The conflict above cognitive trends is seen through the prism of the conceptual opposition "the ethnoconfessional — the universal". Ethnic and confessional limitations which differ polity hierarchy, make it immune to serious epistemological innovations and make see the danger in any attempt to adjust the dominant religious worldview. On the contrary, common objects of study (some fragments of the universe), the universal empirical and theoretical methods used by scientists of various countries contribute to overcoming the ethnic and confessional barriers and form synchronic and diachronic commonwealths intellectuals on the model of the "Republic of scholars" or "Invisible College".

Key words: politarism, epistemological discourse, profane reality, universe, hierocracy, ethnocentrism, confessionalism, universalism, Biruni.

Васечко Вячеслав Юрьевич, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург (Россия). Адрес для контактов: vyacheslavpetro@narod.ru

Жизненная установка, предполагающая познание Истины в качестве самоценного и самоцельного мотива деятельности, редко когда и мало кем рассматривалась как достаточное оправдание в глазах окружающих тех лиц, которые ее

принимали и разделяли. Стремление к знанию ради самого знания было (да, собственно, и остается) для подавляющей массы людей таким мотивом деятельности, который выглядит странным, малопонятным и оправданным только в тех случаях, когда приносит тем, кто им руководствуется, реально ощутимые дивиденды в форме богатства, власти или, на худой конец, достаточно высокого социального престижа.

Данная картина наблюдается и в том случае, если мы ограничиваемся сугубо эпистемологической областью, т. е. познанием, имеющим целью установление истинного устройства и закономерностей развития физического, наблюдаемого Универсума — Природы и Космоса. Это, как известно, в первую очередь науки естественные и математические, без которых подлинное естествознание невозможно. Очевидно, что если под наукой понимать не *массив* уже известного, наличного знания, но саму *деятельность* по открыванию еще неоткрытого, процент истинных ученых — тех, кто не довольствуется ассимиляцией, трансляцией и компиляцией — оказывается мизерным. Большинство и здесь предпочитает идти надежными, проторенными путями, предоставляя решение по-настоящему трудных проблем (которые и суть, в конечном счете, самые первостепенные, основополагающие, определяющие) немногочисленным, но отчаянным и храбрым одиночкам-энтузиастам. Себе представители этого большинства отводят более безопасные роли — наблюдателей, критиков, экспертов и, разумеется, судей — чаще суровых, чем справедливых.

Если прибегнуть к устоявшейся в философии науки оппозиции «интернализм — экстернализм», то трудно отрицать, что реально двигают естествознание вперед именно «интерналисты» — те, кто находится на переднем крае, кто лучше и яснее других видит пробелы в комплексе наличного знания, способен осознать и корректно сформулировать имеющиеся когнитивно-научные проблемы и непосредственно ориентирован на их решение. С их точки зрения, любая экстерналистская мотивация типа блага государства, личного обогащения, доказательства приоритета «истинной» веры или даже облегчения жизни простого народа привходяща, непоследовательна и, по большому счету, порочна, ибо есть прямая либо косвенная измена науке, подчинение ее злобе дня и стихиям мира сего. Что же касается науковедов, стоящих на позициях экстернализма, то при оценке этих людей они, скорее всего, будут склонны встать на позицию большинства их современников, видевших в них в лучшем случае странных и чудачьих оригиналов, а в худшем — опасных злодеев и шарлатанов, в отношении которых допустимы и оправданы самые крайние меры социальной защиты.

В свете этих общих соображений обратимся теперь к тому типу социального устройства, который известен как «азиатский способ производства» (К. Маркс), «восточная деспотия» (К. Виттфогель), «олимпийская культура» (М. К. Петров) и который вслед за Ю. И. Семеновым мы далее будем называть «политарным»*. Анализ тех дошедших

* Термин «политарный» Ю. И. Семенов образует от греч. «полития» — государство. У данного уважаемого автора мы находим также достаточно детальную терминологию, опирающуюся на исходную категорию: *политаризм* — весь данный общественный порядок в целом, *политаристы* — представители класса эксплуататоров, *политократия* — весь этот класс в целом, *политарх* — абсолютный правитель, глава класса политаристов, *политархия* — социоисторический организм, возглавляемый политархом, *субполитархи* — правители округов, провинций и т. д. [Семенов, 2011: 52–58]. В дальнейшем мы используем некоторые из этих терминов.

до нас текстов, в которых живший в таком социуме интеллеktуал отвлекался от частнонаучных тем (математических, астрономических, медицинских и иных) и обращался к оценке той социальной конъюнктуры, в которой ему доводилось работать, ясно свидетельствует, что всякое отклонение от генеральной цели — искания Истины — и преследование иных, вненаучных интересов квалифицируется однозначно со знаком минус. Бируни в предисловии к трактату «Памятники минувших поколений» предупреждает своих читателей, среди которых надеется встретить искренних «искателей истины и любителей мудрости», что, приступая к исследованию, «предварительно необходимо очистить свою душу от [дурных] свойств, которые портят большинство людей, и от причин, делающих человека слепым для истины, т. е. от укоренившихся привычек, пристрастия, соперничества, покорности страстям, борьбы за власть и тому подобного» [Бируни, 1957: 11]. В другом своем произведении, сугубо математическом, он критикует жившего веком ранее знаменитого энциклопедиста ар-Рази именно за тот негативный моральный пример, который тот дал своим ученикам и последователям, «испортив их сердца», сделав их «отчуждающимися от веры и, благодаря [наличию] «достоинств» бренного мира, алчущими могущества и господства» [Бируни, 1987: 27].

С Бируни солидарны и многие его коллеги по профессиональному цеху. Его современник Ибн Сина («Авторитет Истины» — один из его почетных эпитетов [Сагадеев, 1980: 7]) в «Книге исцеления» критически отзывается о «многих людях науки», боязливо избегающих тех трудных проблем, которые в действительности суть самые главные для познания вещей, и ограничивающихся пережевыванием вопросов элементарных, не требующих умственного напряжения, хотя и производящих впечатление на неученую публику. «Мы же надеемся пойти по другому пути» [Эбрахими, 2010], — пишет он далее, наверняка имея в виду не одного себя, но и подлинных своих единомышленников. Веком позже Омар Хайям еще резче отзывается об ученых такого типа: это те, «кто хвастлив, тщеславен и бессилен, ибо тщеславие — достояние низкого. По истине их души не вмещают ничего, кроме разве лишь понимания чего-нибудь незначительного из наук. Однако, когда они постигают это, им кажется, что это количество и есть то, что заключают в себе науки и что составляет их» [Омар Хайям, 1963: 450–451]. Еще хуже другая категория — те, «кто... имеет вид ученых, одевают истину ложью, не выходя в науке за пределы подделки и притворяясь знающими. Тот запас знаний, которыми они обладают, они используют лишь для низменных плотских целей» [Омар Хайям, 1961: 70]. Еще век спустя Ибн Рушд, демонстрируя читателям многочисленные передержки, софизмы и явные логические противоречия в аргументации своего антагониста аль-Газали, замечает: «Похоже, он просто хотел угодить своим современникам, но так не поступают те, кто действительно стремится постигнуть истину» [Аверроэс, 1999: 27].

«Угождение современникам», т. е. подчинение существующей на данный момент и в данном месте конъюнктуры, — к этому, если разобраться, будет сводиться любая экстерналистская мотивация. Но поскольку современников этих всегда много, а интересы у них очень разные, порой изменчивые и часто взаимоисключающие, постольку ориентация не на их удовлетворение, а на нечто более основательное, долговременное и сверхценное выглядит (во всяком случае, в глазах самого ученого) весьма убедитель-

ной. Другое дело, что игнорировать мнения, суждения и предрассудки своих непрощенных собратьев он может лишь до поры до времени. И одним из самых мощных факторов, с которыми вынужден считаться стремящийся к свободному познанию и исследованию индивид, — это мнения, суждения и предрассудки *религиозного характера*. Религиозная картина мира, всегда включающая в себя и картину природы, живой и неживой, играет роль своеобразной *парадигмы* Н. А. Куна: она определяет как те формы и методы когнитивной деятельности, которые считаются разрешенными и даже порой приветствуются, так и те, которые более или менее жестко третируются и табуируются. Или, если уже воспользоваться терминологией И. Лакатоса, данная картина явно/ неявно выступает в роли *исследовательской программы* со входящими в ее состав «*эвристическими*» — *позитивной* (теми исследовательскими процедурами, которые апостериорно, раз за разом подтверждают, уточняют, комментируют официально принятые догмы и догматы к вящей их славе) и *негативной* (цензурирующей поисковую работу и отслеживающей те идеи и концепты, которые могут поставить вышеуказанные догмы под сомнение).

Следует оговориться, что те социальные фигуры, которые фигурируют в заголовке нашей статьи, являются достаточно условными. «*Ученый профан*» есть профан лишь постольку, поскольку он занят познанием профанного мира, Натуры, и специально не задается в этой своей работе вопросами трансцендентными и метафизическими. С социологической точки зрения он является представителем той общественной силы, что обеспечивает весь социум адекватным знанием об устройстве и закономерностях функционирования и развития внешнего по отношению к нему природного мира. Благодаря этим «профанам» знание о внесоциальной реальности постоянно уточняется и углубляется, а воплощаясь в различные инструменты, приборы и прочие технические средства, оно умножает и усиливает производительные силы общества, делая жизнь людей более комфортной, интересной и безопасной. Сообщество этих «профанов» есть, по большому счету, авангард человеческого рода, действующий ради его всеобщего блага, ибо верное знание об устройстве мироздания является необходимым условием для решения и самых кардинальных вопросов экзистенциального характера — таких, например, как цель, смысл и предназначение существования всего вида *Homo sapiens*.

Напротив, фигура, обозначенная нами как сановник-иерократ, наделена политарным социумом иными функциями и, естественно, призвана к решению иных социальных задач. И жрецы Вавилона и Египта, и каста брахманов (мыслимая как единое целое), и наделенные весьма солидными властными полномочиями конфуцианские интеллектуалы, и официозные мусульманские теологи — все они стоят на страже уже сложившейся системы ценностей, куда включается и некоторое целостное представление о природе, Космосе, Вселенной. Истина полагается ими как уже открытая людям (причем людям немногим) некими высшими силами. У них нет прямой заинтересованности в детализации, углублении и тем более пересмотре наличной картины мироустройства. Зато у них есть четкое сознание того, что административно неконтролируемая поисковая деятельность разных самодеятельных энтузиастов чревата опасными открытиями, могущими в перспективе опрокинуть не только традиционные ценности и концепты,

но и тот порядок жизни, с которым данная иерократия себя отождествляет. Отсюда та неприязнь и то недоверие, с которыми жреческая и богословская верхушка относится к тем, кто стремится просто изучать материальный мир, как он есть, и не подчиняется предвзятым догматическим суждениям, откуда бы они ни исходили*.

В политарных обществах вполне типичной является ситуация, когда одно и то же лицо совмещало в себе эти две различных социальных роли — ученого-натуралиста, одержимого жаждой рационального познания предметно-чувственного («профанного») мира, и священнослужителя, поставленного, кроме прочего, чтобы поддерживать и вновь и вновь подтверждать господствующие иррациональные догмы относительно происхождения, структуры и эволюции того же самого мира. Просто в данном случае линия противостояния проходит не вне сознания субъектов (когда отделяются друг от друга и конфликтуют социальные группы с альтернативными ценностными мотивациями), а внутри него. И поэтому даже в полемике между истинными учеными могут встречаться аргументы типа *asylum ignorantiae* («прибежище незнания»), как называл Спиноза «божью волю», о которой вспоминают тогда, когда не находят более серьезных доводов. Так, Брахмагупта, крупнейший индийский математик и астроном VII в., не в силах опровергнуть теорию солнечных и лунных затмений жившего двумя веками ранее Ариабхаты (причем теорию совершенно верную, как нам теперь известно), обращается к сакральным текстам, где говорится, что причина затмений — голова мифического дракона Раху: «В Ведах, которые есть слово божие, из уст Брахмы говорится, что Голова вызывает затмения. Напротив того, Ариабхата, идя наперекор всем (видимо, наперекор всем здравомыслящим брахманам. — В. В.), из вражды к упомянутым священным словам утверждает, что затмение вызывается не Головой, а только Луной и тенью Земли. ... Эти авторы должны прекратить свое сопротивление большинству, ибо все, что есть в Ведах, в «Смрити» и в «Самхитах», — верно» (цит. по: [Володарский, 1977: 102]). Любопытно, что схожую ситуацию мы наблюдаем и в китайской астрономии первых веков нашей эры. Только там тормозящее действие на развитие научного знания оказала догматическая интерпретация ритмологии, исходящей из идеи взаимосвязанности и попеременного преобладания полярностей *ян* и *инь*: «...ханьский философ Ван Чун (27–97/107) возражал против существовавшей в его время правильной теории затмений, предпочитая древнее представление о том, что Солнце и Луна имеют свои внутренние ритмы яркости. Ему вторил астроном Лю Чжи, написавший в 274 г. сочинение «Лунь тянь» («Беседы о Небесах»). Он исходил из того, что Солнце и Луна — это воплощение соответственно принципов *ян* и *инь*, а в любом *ян* есть доля *инь*, так же, как в любой *инь* есть доля *ян*. Поэтому светящееся по преимуществу Солнце может померкнуть, а исходно темная Луна — светить» [Еремеев, 2012: 64].

* Вот как обстоит дело, к примеру, в средневековом исламе: «По мнению большинства представителей ханифитского и ханбалитского мазхабов [богословско-юридические школы в исламе. — В. В.], любое стремление к профаническому знанию (в медицине, астрономии и т. д.) есть потенциальная и опасная предпосылка неверия, ибо истину ведаёт только Всемогущий Аллах. Если же человек утверждает, что он знает, тем самым он в той или иной степени противопоставляет себя Богу. Отсюда и их крайне отрицательное отношение к поискам ответов на многочисленные «как» и «почему»..., ибо это означало бы отказ от прямого и буквального истолкования Корана, где, как считает мусульманская теология, уже есть ответы на эти вопросы» [Султанов Ш., Султанов К., 2007: 147].

Можно указать и на противоположный исход разрешения аналогичного внутреннего когнитивного диссонанса. Так, весьма различаются два дошедших до нас египетских медицинских папируса эпохи Нового царства: если в папирусе Эберса каждый рецепт сопровождается магическим заклинанием и заговором, то папирус Эдвина Смита обходится практически без апелляции к трансцендентным сущностям и содержит только четкие и ясные наблюдения и рекомендации [Стучевский, 1976: 255–259]. Очевидно, что тем жрецам-врачевателям, которые составляли второй папирус и руководствовались им в своей практике, удалось в целом преодолеть в своем сознании те жесткие догматические конструкты, которые неизбежно внедрялись и сковывали его в силу их воспитания, социального положения и повседневных обязанностей. Примеры подобного рода легко обнаружить и в других политарных социумах.

В любом случае, кем бы ни являлся индивид — членом некоторой мощной корпорации, в том числе и жреческой, либо частным лицом, — его занятия науками и тем более те результаты, к которым он приходил, оказывались в сфере внимания той силы, которая позиционировала себя в качестве официального и монопольного хранителя Истины. Поэтому ученому, чтобы отстаивать свое право на свободный и суверенный поиск, приходилось, помимо прочего, преодолевать и сопротивление иерократической братии. Потенциально любой ревнитель веры, начиная с рядовых священников и даже чересчур благонамеренных мирян, мог инициировать против него дело, обвинив в чем-то типа черной магии, шарлатанства или ереси. Но реальную угрозу для его работы (а нередко и личной свободы, безопасности и жизни) представляли именно те служители культа, которые обладали широкими властными полномочиями, архиереи-первосвященники в самом широком смысле, хотя порой именно они проявляли заинтересованность в поддержке и финансировании исследований, разумеется, только тех, в которых усматривали существенную выгоду для себя. Вот почему этот вид коммуникации — «ученый *par excellence* — сановный священник» — представляется столь важным для характеристики той специфической ситуации, в которой совершаются в политарном обществе естественно-научные изыскания.

Для более конкретного определения тех пунктов, где когнитивный конфликт между противоположными установками (научно-рационалистической и клерикально-охранительной) достигает наибольшего напряжения, обратимся к концептуальной оппозиции «*этноконфессиональное — универсальное*». Нашей задачей здесь будет показать, каким образом каждое из этих понятий играет роль неявного, беспредпосылочного знания — с той особенностью, что первое из них принимается в качестве безусловного, необсуждаемого абсолюта теми, кто полагает существующую религиозную картину мира как самодостаточную и незыблемую данность, а второе априорно принимается и разделяется теми, кто ставит во главу угла познание естественной реальности как она есть.

Иерократия, пока она занимает в политарном социуме достаточно высокое и прочное положение, имея свой пай во властном пироге, надежно огражденный от посягательств конкурентов, не склонна к равноправному диалогу с иными конфессиями, этносами и вообще с чужими культурами. Поскольку дело касается контактов с внешним миром, верхушка духовенства предпочитает сохранять свою религиозную идентичность, либо изолируясь от иностранных влияний, либо (если позволяют силы) подчи-

няя себе более слабые этносы и конфессии. В случаях, когда данная цивилизация длительное время находится в окружении заведомо более низких в культурном плане народов (как Египет до первого тысячелетия до нашей эры или Китай вплоть до XX в.), вопрос о диалоге практически не возникает, а в общепринятой картине мира закономерно формируется идея о центре мироздания, который находится не где-нибудь, а именно здесь, в «земле Кемет» или «Поднебесной», которую окружают различного рода «варвары». В отношении последних иерократия обычно ведет культуртрегерскую политику, настойчиво предлагая им принять ее систему этноконфессиональных ценностей (мифологию, догматику, культ, священные книги, равно как и административно-правовую систему, язык и т. д.), угрожая в противном случае весьма суровыми санкциями.

В тех ситуациях, когда в соприкосновение приходят сопоставимые по мощности и уровню развития политарные цивилизации, этнический и конфессиональный диалог, конечно, принимает другие формы. Однако и здесь каждая из сторон более всего озабочена тем, чтобы не потерять свое лицо и, по возможности, сохранить свои привычные традиционные ценности. Что касается иерократической корпорации, то она обычно играет в данном выяснении отношений ведущую роль, идеологически и порой с использованием логических приемов аргументируя превосходство собственной конфессиональной парадигмы. В появляющихся время от времени империях имеет место значительное расширение и углубление культурных контактов и формирование все более многочисленных этносов, при этом образуемая в них иерократическая прослойка может реципировать в свою идеологию фрагменты духовной культуры ранее самостоятельных народов и народностей. На этом пути появляются и такие конфессии, которые могут объединять (номинально, во всяком случае) сотни миллионов людей и получать статус мировых религий, как, скажем, буддизм или ислам.

При всем при том долгие века политаризма — это и время непрекращающихся религиозных конфликтов, в разжигании и поддержании которых иерократические интересы занимают не самое последнее место. Практически любой вероисповедный или ритуальный элемент может стать предлогом как для межконфессионального столкновения, так и для внутриконфессионального раскола, — детали священной космогонии и истории, имена и деяния богов, особенности культа или освящаемого религией брака, даже сам язык священных книг. Этнические и конфессиональные ценности всегда не только сближали людей, помогая им найти общий язык, ощутить свою культурную общность, но и противопоставляли их друг другу, сплошь и рядом затрудняя установление контактов между носителями разных языков и адептами разных конфессий и зачастую превращая их взаимоотношения во взаимоотношление. Как правило, иерократические лидеры не видели причин сдерживать агрессивность своих рядовых соотечественников и единоверцев, поскольку их статус и возможности влиять на другие условия в периоды межконфессиональных столкновений заметно возрастали.

На этом фоне те отношения, которые складываются внутри малочисленной и сравнительно маловлиятельной в социальном плане группы профессиональных ученых, смотрятся совершенно иначе. Общие предметы изучения (такие, как движение небесных светил или человеческие болезни), сходные математические и вычислительные проблемы, единые методы эмпирического познания (наблюдения, измерения, заро-

ждающийся эксперимент) и логические приемы (абстрагирование, обобщение, сравнение, анализ и синтез), вкупе с интуитивным, а затем все более сознательным следованием законам формальной логики, — все это делало контакты между учеными необходимыми, доверительными и эффективными. Как только вставал вопрос о реальной возможности открытия новой астрономической, математической или иной «профанной» истины, национальные и конфессиональные предубеждения уходили на задний план, и индивид уже не задумывался о том, на кого опереться в своей работе — на собрата по языку и вере или же на «варвара» или «язычника». В научном мире складывалась своя иерархия авторитетов, в которой значимость индивида не зависела от языка, на котором он писал свои тексты, и от веры, которую он исповедовал (или не исповедовал). Авторитет личности определялся здесь в первую очередь тем, насколько точно и глубоко ее труды проникли в тайны универсума, объемом и значимостью поставленных в них познавательных проблем, количеством и качеством предложенных в них исследовательских методов. Вот почему, например, Гиппократ, Аристотель, Евклид, Архимед, Птолемей и многие другие оказались так востребованы в арабо-мусульманском ученом сообществе, а языческое их происхождение не оказалось для этого помехой.

Сугубо гносеологические потребности могут оказаться так сильны, что заинтересованные лица постараются найти и средства для преодоления языкового барьера. Многие ученые не считали для себя излишним изучать чужие языки, на которых были написаны ценные для них научные труды, причем делали они это не только для того, чтобы самим узнавать что-то новое и нужное, но и чтобы переводить эти труды на родной язык, делая доступными для соотечественников. Так, благодаря переводческой деятельности арабских ученых классические тексты античных астрономов и математиков типа птолемеевского «Альмагеста» или «Начал» Евклида, почти забытые в Европе, стали достоянием исламской науки и способствовали развитию естествознания на Востоке, равно как и астрономический трактат индийца Брахмагупты, получивший после его перевода в VIII в. в Багдаде с санскрита на арабский название «Большой Синдхинд»*. Бируни уже в зрелом возрасте изучает достаточно сложный для него санскрит, читает на нем научные тексты, переводит их на арабский, а с арабского на санскрит — свои и чужие труды [Халидов, Эрман, 1995: 15–22].

В Средние века уже с полным основанием можно говорить о существовании интернационального сообщества ученых, в котором универалистские, экуменические**

* Любопытна своеобразная астрономическая эстафета, длившаяся на протяжении не менее двух тысячелетий. Во II в. н.э. ученый грек Яванешвара, оказавшийся в Западной Индии, используя технику зигзагообразных функций, заимствованную у вавилонян, переводит на санскрит трактат, получивший название «Явана-джиттака» (*явана* — греческая) и ставший образцовым для индийских ученых. Позднее эта техника заимствуется начиная с VIII в. астрономами и математиками арабского мира. Как видим, конфессиональные барьеры не смогли прервать в данном случае научную традицию: те методы, которые давали ценные и надежные результаты, перенимались безотносительно к тому, кто и когда их изобрел. Хотя были и признаки попятных движений. Так, в VII в. все тот же Брахмагупта, склонный, как мы видели, к индуистскому изоляционизму и религиозно-догматическому авторитаризму, критиковал Ариабхату за некритическое, по его мнению, заимствование вавилонских и греческих астрономических концепций [Володарский, 1977: 13].

** Разумеется, мы берем термин «экуменизм» в его исходном значении (греческое «ойкумена» — обитаемый мир, вселенная, т.е. синоним латинского «универсум») и не связываем его с современным движением за объединение христианских церквей.

установки реально работают не только в диахроническом, но и в синхроническом измерении. Под «братьями истины», к которым обращается Ибн Сина в аллегорическом «Послании о птицах» [Шидфар, 1981: 126–127], нетрудно распознать содружество ученых интеллектуалов, которые обладают родственными душами, духовно свободны, доверяют друг другу и ясно осознают себя как некое целое, имеющее общие цели и задачи. К этому содружеству вполне могут быть приложимы позднейшие идеонимы, появившиеся уже в европейской культуре, — «Царство Разума», «Республика ученых», «Невидимый колледж». Формированию такого универсализма немало способствуют и развитое почтовое сообщение, и частые переезды деятелей науки из страны в страну (не всегда, правда, совершавшиеся по их собственному желанию, что видно из биографий Ибн Сины и Бируни), и полилингвизм, и даже воинственность политархов, приводившая к объединению под эгидой одного правителя огромных территорий. Внеконфессиональный и интернациональный универсализм становится возможным и благодаря частым личным контактам ученых, когда, например, в Марагинской обсерватории в Иране, появившейся в государстве Хулагуидов по инициативе ат-Туси, работали в XIII в. лучшие астрономы из Китая (тоже находившегося под властью Чингизидов), а туда, в свою очередь, отправлялись для обмена опытом, знаниями и инструментами их коллеги с Ближнего и Среднего Востока [Максудов, Мамедбейли, 1981: 21–31].

Оставаясь человеком своего времени и своей культуры, в том числе и культуры конфессиональной, специально занимающийся наукой интеллектуал получает возможность подняться над партикуляризмом, доктринерством и этноцентризмом, которым всегда подвержена иерократия. Не порывая с той религией, в лоне которой он вырос и воспитан (тем более, что такой разрыв, собственно, практически невозможен в условиях политаризма), ученый, тем не менее, способен выработать «вселенский» взгляд не только на исследуемую им профаническую реальность, но и на всевозможные конфессиональные мифологемы, догматики и ритуальные комплексы, за которые всегда держатся духовные лидеры. Кроме того, эвристические приемы и правила, которые доказали свою релевантность в сугубо эпистемологическом дискурсе (объективность и всесторонность рассмотрения предмета, непредвзятость, критичность, логическая непротиворечивость, эмпирическая проверяемость и др.), помогают ученому оставаться ученым даже в тех случаях, когда узкоконфессиональная установка совсем к тому не располагает, например, в работе с вероисповедными и догматическими текстами иных народов.

Так, Бируни, решая довольно частную научно-историческую проблему — восстановление реальной хронологии событий прошлой жизни стран и народов, обращается к священным книгам всех известных ему конфессий, отлично осознавая всю ненадежность и сомнительность такого источника, не говоря уже о негативной реакции исламской иерократии и ее благонамеренных подпевал из числа своих же коллег. Но настоящий ученый должен при необходимости обращаться и к «приверженцам различных религий и [адептам] учений и сект», он не будет пренебрегать их свидетельствами, а, наоборот, «примет их воззрения за основу, чтобы строить дальше», ибо он вооружен такими инструментами, которые позволяют отделить крупницы истины от «обилия бред-

ней, примешанных ко всяким преданиям и рассказам». Это может быть и сравнение между собой слов и мнений, приводимых адептами-«передатчиками» в качестве доказательства, и отбрасывание заведомо фантастических измышлений, и постепенность в «переходе от ближайших преданий к менее близким, от более известных к менее известным». И хотя ошибки и просчеты в такой сложной работе неизбежны, они со временем обязательно будут исправлены, когда данный субъект найдет достойных и квалифицированных единомышленников и последователей, на что надеется и сам Бируни: «Тогда то, что мы делаем, поможет искателю истины и любителю мудрости разобраться в других преданиях и укажет, как достигнуть того, что не удалось нам» [Бируни, 1957: 11–12].

Ученому, привыкшему к тому, что продуктивность его исследовательской деятельности тесно связана с точным, адекватным пониманием и изложением точек зрения тех, кто занимался данной проблемой ранее, бесспорно, претят откровенная недобросовестность и умышленные извращения, с которыми излагают взгляды противников апологеты конкурирующих конфессий или даже различных толков в рамках одной конфессии. Бируни признается, что нашел среди множества мусульманских авторов, писавших на эти темы, только одного, кто «преследовал цель излагать объективно, без всяких пристрастий и примесей», да и то с серьезными оговорками [Бируни, 1995: 59]. Его удивляет и возмущает анонимный писатель, который с грубыми передержками повествует своим читателям об особенностях календаря византийцев*. Напротив, сам он предельно объективен, описывая известные ему календари — христианский, еврейский, индийский, иранский, китайский и всякий другой [Розенфельд, Рожанская, Соколовская, 1973: 239], ибо убежден, что уважение к оппонентам — не просто правило хорошего тона, но и условие полноценного научного поиска. Зато и результаты, к которым придет серьезный исследователь, будут представлять ценность для всех заинтересованных лиц независимо от их этноконфессиональной принадлежности, о чем Бируни прямо говорит, завершая свой трактат: «[Моя книга] рассеет сомнения относительно эр [различных] пророков и царей и послужит руководством для евреев и христиан, недоумевающих о своем [летосчислении]» [Бируни, 1957: 414].

Универсалистский посыл, свободно и последовательно развитый, рано или поздно приводит к радикальному выводу об относительности всех религий и о том, что когнитивная граница между истиной и ложью никак не совпадает с границей конфессиональной, формально отделяющей «мою» веру от всех прочих. Для Хайяма, например, вера оказывается функцией обстоятельств и чисто условным символом, находящимся на внешней периферии духовного мира личности:

* «И еще я хотел бы знать, когда румы (т.е. византийцы. — В. В.) делали то, что он о них рассказывает. Ведь румы обладают глубокими сведениями и искусством [в различных отраслях] геометрии и в астрономии и крепко придерживаются логических доказательств. Если им трудно ухитриться и от них требуют доказательств, они не станут прибегать к рассказам тех, кто основывает [свои слова] на божественном откровении и вдохновении. Я уже не говорю об их познаниях в науках философских, богословских, физических, и также в [разных ремеслах]. Но „каждый действует на свой образец, и всякое племя радуется тому, что имеет“» [Бируни, 1957: 66]. Последняя цитата из Корана (сура XVIII, стих 86) — пример того, как и священная книга может послужить поддержкой свободомыслящего интеллектуала в полемике с теми, кто голословно и алогично апеллирует к «божественному откровению» и своим субъективным фантазиям по его мотивам.

Вместо розы — колючка сухая сойдет.
Черный ад — вместо светлого рая сойдет.
Если нет под рукою муллы и мечети —
Поп сгодится и вера чужая сойдет!
(перевод Г. Плисецкого) [Омар Хайям, 1982: 221].

Куда хуже и опаснее тот культ покорности и рабства, который в любой конфессии, с одной стороны, официально инициируется сверху, а, с другой — находит ответный отклик в сознании рядовой паствы. Он и есть тот главный враг, который противопоставит свободному интеллекту — независимо от того, чем тот занят — профанными вещами или проблемами собственного персонального бытия среди них:

Дух рабства кроется в кумирне и Каабе,
Трезвон колоколов — язык смиренья рабий,
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе.
Бушуют в келиях, мечетях и церквях
Надежда в рай войти и перед адом страх.
Лишь у того в душе, кто понял тайну мира,
Сок этих сорных трав весь высох и зачах
(перевод О. Румера; цит. по: [Алиев, Османов, 1959: 70]).

Ниже уточняется, что в оригинале последнего рубаи стоит не «тайна мира», а «тайна Бога». Конечно, не исключено, что на перевод Румера наложило отпечаток то суровое время гонений на религию, в которое он создавался. Но все-таки, думается, переводчик прав в том смысле, что для истинного ученого (каким, несомненно, всегда оставался Хайям) нет принципиальной разницы между познанием тварного мира и познанием его Творца. Разгадывая секреты мироздания, мы уже этим самым проникаем в замыслы того Существа, которое нам их презентовало. При условии, конечно, что мы признаем онтологическую реальность этого Существа [Алиев, Османов, 1959: 71].

Профанный универсум, он же «мир как целое» (то, что Кант позднее назовет «космологической идеей»), всегда присутствует в мышлении ученого, живущего в поликультурном обществе, даже когда он погружен в решение какой-то весьма конкретной задачи. Присутствует, разумеется, обычно где-то на заднем плане как некое предельное основание, как горизонт или неявная предпосылка его когнитивных усилий. Но ученый не может время от времени не обращаться к этой предпосылке, задаваясь вопросами об общем смысле и метафизическом статусе своей профессиональной работы. И вряд ли в поисках ответов на них он сможет опереться на тот или иной догматический компендиум или тенденциозное мнение авторитетного в формате данной конфессии иерарха. Скорее он обнаружит единомышленников (хотя одновременно и весьма ценных оппонентов) среди тех умов, для которых созерцание целостности универсума никогда не было второстепенным делом. Для арабо-мусульманских ученых-перипатетиков, например, таким дополнением и своим иным чаще всего оказывались поэты-суфии. Такие, к примеру, как Ибн аль-Фарид:

Разрушил дом и выскользнул из стен,
Чтоб получить вселенную взамен.

В моей груди, внутри меня живет
Вся глубина и весь небесный свод
(перевод З. Миркиной) [Арабская поэзия, 1975: 530].

Итак, политарный строй при всем его традиционализме и невысокой социальной оценке когнитивной деятельности, не завязанной напрямую на каком-либо внешнем ей интересе (утилитарно-техническом, карьерном, административном, меркантильном и т. д.), оставляет, тем не менее, определенное пространство для суверенного эпистемологического дискурса и предоставляет немало возможностей для самореализации мотивированным и должным образом подготовленным индивидам. Размеры этого пространства и спектр указанных возможностей существенно варьируются в зависимости от уровня экономического развития, политической системы, международной обстановки и иных факторов, то заметно раздвигаясь (в периоды так называемого расцвета наук и искусств), то почти до предела суживаясь (в периоды застоя их и упадка). Иерократия как звено в структуре государственной власти и социального управления претендует на монополию в формировании и сохранении общепринятой в социуме картины мира и потому не склонна содействовать попыткам ее обновления и реформирования. Однако ученое сообщество при благоприятных условиях способно успешно противостоять иерократическому давлению и решать все более сложные когнитивные задачи, которые составят впоследствии историю отдельных естественно-научных и математических дисциплин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аверроэс (Ибн Рушд). Опровержение опровержения. Киев ; СПб., 1999. 688 с.
- Алиев Р. М., Османов М. Н. Омар Хайям. М., 1959. 144 с.
- Арабская поэзия средних веков. М., 1975. 767 с.
- Бируни А. Р. Индия. М., 1995. 728 с.
- Бируни А. Р. Об определении хорд в круге посредством свойств ломаной линии в нем // Избранные произведения. Ташкент, 1987. Т. VII. С. 25–77.
- Бируни А. Р. Памятники минувших поколений // Избранные произведения. Ташкент, 1957. Т. I. 488 с.
- Васечко В. Ю. Ученый в политарном обществе: альтернативы нравственного выбора // *Virtus*. 2017. № 18. С. 15–21.
- Васечко В. Ю. «Онтика» и «онтология»: естественнонаучный дискурс против иерократического прессинга в политарном обществе // *Virtus*. 2018. № 26. С. 17–20.
- Володарский А. И. Ариабхата: к 1500-летию со дня рождения. М., 1977. 112 с.
- Еремеев В. Е. Картина мира традиционной китайской науки // *Метафизика*. 2012. № 1 (3). С. 60–68.
- Максудов Ф. Г., Мамедбейли Г. Д. Мухаммед Насирэддин Туси: к 780-летию со дня рождения. Баку, 1981. 104 с.
- Омар Хайям [Первый алгебраический трактат] // Историко-математические исследования. М., 1963. Вып. XV. С. 445–472.
- Омар Хайям. Рубайят // Родник жемчужин. М., 1982. С. 167–241.

Омар Хайям. Трактат о доказательствах задач алгебры и алмукабалы // Омар Хайям. Трактаты. М., 1961. С. 69–112.

Розенфельд Б. А., Рожанская М. М., Соколовская З. К. Абу-р-Райхан ал-Бируни, 973–1048. М., 1973. 272 с.

Сагадеев А. В. Ибн-Сина (Авиценна). М., 1980. 240 с.

Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М., 2011. 376 с.

Стучевский И. А. Научная мысль в Древнем Египте // Культура Древнего Египта. М., 1976. С. 250–278.

Султанов Ш. З., Султанов К. З. Омар Хайям. М., 2007. 320 с.

Халидов А. Б., Эрман В. Г. Предисловие // Бируни А. Индия: репринт с изд. 1963. М., 1995. С. 5–53.

Шидфар Б. Я. Ибн Сина. М., 1981. 184 с.

Эбрахими Т. А. И геолог, и алхимик ... // Загадки старой Персии [Электронный ресурс]. URL: <http://rulibs.com> (дата обращения: 19.06.2018).

REFERENCES

Aliev R. M., Osmanov M. N. *Omar Khaiiam* [Omar Khayyam]. М., 1959, 144 s. (in Russian). *Arabskaia poeziiia srednikh vekov* [Medieval Arab Poetry]. М., 1975. 767 s. (in Russian).

Averroes (Ibn Rushd). *Oproverzhenie oproverzheniia* [Refutation of Refutation]. Kiev; SPb., 1999. 688 s. (in Russian).

Biruni A. R. *Indiia* [India]. М., 1995. 728 s. (in Russian).

Biruni A. R. *Ob opredelenii khord v krughe posredstvom svoistv lomanoi linii v nem* [About Determining of Chords in a Circle through the Properties of the Polyline in it]. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Tashkent, 1987. Vol. VII. S. 25–77 (in Russian).

Biruni A. R. *Pamiatniki minuvshikh pokolenii* [Monuments of past generations]. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. Tashkent, 1957. Vol. I. 488 s. (in Russian).

Ebrakhimi T. A. *I geolog, i alkhimik ...* [And Geologist, and Alchemist...] // *Zagadki staroi Persii* [Puzzles of Old Persia]. Available at: <http://rulibs.com> (accessed June 19, 2018) (in Russian).

Eremeev V. E. *Kartina mira traditsionnoi kitaiskoi nauki* [Picture of the World of Traditional Chinese Science] // *Metafizika* [Metaphysics]. 2012, № 1 (3). S. 60–68 (in Russian).

Khalidov A. B., Erman V. G. *Predislovie* [Preface]. *Biruni A. Indiia* [India]. М., 1995. S. 5–53 (in Russian).

Maksudov F. G., Mamedbeili G. D. *Mukhammed Nasireddin Tusi: K 780-letiiu so dnia rozhdeniia* [Mohammed Nasreddin Tusi: to 780 Anniversary]. Baku, 1981. 104 s. (in Russian).

Omar Khaiiam. *Pervyi algebraicheskii traktat* [The First Algebraic Treatise]. *Istoriko-matematicheskie issledovaniia* [Historical and Mathematical Researches]. М., 1963. issue XV. S. 445–472 (in Russian).

Omar Khaiiam. *Rubaiiat* [Rubai]. *Rodnik zhemchuzhin* [Spring of Pearles]. М., 1982. S. 167–241 (in Russian).

Omar Khaiiam. *Traktat o dokazatel'stvakh zadach algebry i almukabaly* [A Treatise on Evidence Challenges of Algebra and Almukabala]. *Traktaty* [Treatises]. M., 1961, P. 69–112 (in Russian).

Rozenfel'd B. A., Rozhanskaia M. M., Sokolovskaia Z. K. *Abu-r-Raikhan al-Biruni. 973–1048* [Abu-r-Raihan Al-biruni. 973–1048]. M., 1973. 272 s. (in Russian).

Sagadeev A. V. *Ibn-Sina (Avitsenna)* [Ibn Sina (Avicenna)]. M., 1980. 240 s. (in Russian).

Semenov Iu. I. *Politarnyi ("aziatskii") sposob proizvodstva: sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii* [Politary ("Asian") Method of Manufacturing: Essence and Place in the History of Humanity and Russia]. M., 2011. 376 s. (in Russian).

Shidfar B. Ia. *Ibn Sina* [Ibn Sina]. M., 1981. 184 s. (in Russian).

Stuchevskii I. A. *Nauchnaia mysl' v Drevnem Egipte* [Scientific thought in ancient Egypt]. *Kul'tura Drevnego Egipta* [Culture of Ancient Egypt]. M., 1976. S. 250–278 (in Russian).

Sultanov Sh. Z., Sultanov K. Z. *Omar Khaiiam* [Omar Khayyam]. M., 2007. 320 s. (in Russian).

Vasechko V. Iu. "Ontika" i "ontologiya": estestvennonauchnyi diskurs protiv ierokraticeskogo pressinga v politarnom obshchestve ["Ontics" and "Ontology": Scientific Discourse against Hierocratic Pressure in Politary Society]. *Virtus*. 2018. № 26. S. 17–20 (in Russian).

Vasechko V. Iu. *Uchenyi v politarnom obshchestve: al'ternativy npravstvennogo vybora* [Scientist in Politary Society: Alternatives of Moral Choice]. *Virtus*. 2017. № 18. S. 15–21 (in Russian).

Volodarskii A. I. *Ariabkhata: K 1500-letiiu so dnia rozhdeniia* [Aryabhata: to 1500 Anniversary]. M., 1977. 112 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Васечко В. Ю. Этноконфессионализм иерократа и универсализм «ученого профана»: к характеристике эпистемологического дискурса в политарном обществе // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 75–89.

Citation:

Vasechko V. Y. Hierocrat's ethnoconfessionalism and "academic profane's" universalism: characterization of epistemological discourse in politary society. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 2 (19). P. 75–89.
